

«Сшел в Сибирь»: миграция населения яренской вотчины Вологодского архиепископского дома в XVII в.

Никита Башнин

«Came down in Siberia»: the migration of the population
of Yarensky patrimony of the Vologda Archbishop's house in the 17th century
*Nikita Bashnin (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of
Sciences; I.E. Repin Saint Petersburg State Academic Institute of Painting,
Sculpture and Architecture)*

DOI

Проблема колонизации и миграции в Русском государстве находится в центре внимания историков со второй половины XIX в. (В.О. Ключевский, Н.А. Рожков, М.К. Любавский, Ю.В. Готье, А.Н. Насонов, С.В. Бахрушин, Л.И. Ивина, Ю.С. Васильев, Н.А. Макаров). Проанализировав широкий пласт научной литературы XX в., Н.А. Горская отметила, что «проблема миграций для России XVI—XVII вв. приобрела в историографии особо актуальный характер. В её постановке и решении ярко проявлялась связь демографических и экономических процессов»¹.

В 1946 г. В.И. Шунков первым поставил проблему крестьянской колонизации Сибири. Историк пришёл к выводу, что успешное освоение Зауралья — это заслуга крестьян, создавших сибирскую пашню и тем самым решивших проблему снабжения служилых и промысловых людей хлебом, а население Тобольского, Тюменского, Верхотурского, Туринского уездов к концу XVII в. было преимущественно крестьянским². Шунков проанализировал переписные книги 1669 и 1695 гг. нескольких сибирских поселений и отметил, что «центральное место и по количеству названий городов, и по количеству выходцев несомненно занимают уезды Поморья»³. В.А. Александров подсчитал, что в Енисейском уезде из общего числа учтённых переселенцев доля северного крестьянства в течение XVII в. колебалась от 74,6 до 91,7%⁴. А.А. Преображенский установил, что родиной большинства первых жителей Кунгурского уезда было Поморье, а в конце XVII в. в этом регионе Урала собирались беглые поморские крестьяне⁵. В.П. Червяков показал, что большинство переселенцев из Соли-

© 2019 г. Н.В. Башнин

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-00108).

¹ Горская Н.А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. С. 41.

² Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII века // Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 27.

³ Там же. С. 59.

⁴ Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский уезд). М., 1964. С. 143—144.

⁵ Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII— начале XVIII в. М., 1956. С. 57—63, 71—88.

камского уезда уходили в Сибирь, пик миграции пришёлся на 1680—1690-е гг. Приходили в Соликамский уезд из центральных районов Поморья⁶.

П.А. Колесников считал, что в конце XVI—XVII в. крестьяне, мигрировавшие через Поморье, способствовали не только возникновению новых поселений, но и, продолжая двигаться дальше, «подхватывали» с собой пришлый люд и старожилов⁷. В.А. Оборин отметил, что в Приуралье в первой четверти XVII в. в шесть раз возросла численность населения по сравнению с последней четвертью XVI в., в Зауралье в три раза, при этом «прихожие» жители происходили в основном из Центрального Поморья⁸. Краткий обзор историографии показывает, что учёными уже выяснено значение северного крестьянства в процессе колонизации и освоения Сибири, однако эти выводы в основном сделаны на материалах массовых источников (дозорные, писцовые и переписные книги, ландратские переписи, таможенные книги) и дают общую картину движения людских масс.

В настоящей статье поставлена проблема изучения миграции северного крестьянства по материалам Вологодского архиерейского дома до и после принятия Уложения 1649 г. Одна из архиерейских вотчин находилась в Яренском уезде при впадении р. Вымь в Вычегду. С.В. Бахрушин собрал сведения о средневековых путях в Сибирь, показав, что «черезкаменный» путь начинался с рек Юг и Сухона, от Устья шёл вверх по Вычегде до впадения в неё реки Вымь, затем вверх по Выми и по её притокам Тетере (Шом-Вуква) и Говнюхе, далее «Вымским волоком» на Ухту, Ижму и в Печору⁹. Историк отметил, что «расположенная на границах путей с Вычегды на Печору», Пермская епархия в течение всего XV в. носила «своеобразный характер полусветской-полудуховной пограничной марки»¹⁰.

В 1380 г. будущий пермский епископ Стефан «водворился» на месте Усть-Вымь (при впадении р. Вымь в Вычегду), построил себе келью и устроил «дом молитвенный». После конфликта с местным языческим населением началось строительство будущего владычного городка. По указанию миссионера «пермяне» «начаше гору того (Стефана Пермского. — *Н.Б.*) устроить, осыпати, делаяще и три рвы ископаша и устроиша гору того вельмы красну»¹¹.

В 1383 г. Стефан Пермский ходил в Москву к митрополиту Пимену и великому князю Дмитрию Ивановичу «новокрещеннии пермяки епискупа про-

⁶ Червяков В.П. Миграция населения в Русском государстве в XVII — первой четверти XVIII века: По материалам Соликамского уезда // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 95. М.М. Богословский подсчитал, что население Соликамского уезда за XVII в. увеличилось в четыре раза. По мнению учёного, увеличение населения произошло «благодаря колонизации» и естественному приросту, что «покрывало отлив населения» к востоку (*Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. I. М., 1909. С. 130).

⁷ Колесников П.А. Миграция северного крестьянства в XVI — начале XVIII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР... Вып. 1. С. 358. См. также: Колесников П.А. Писцовые и переписные книги как источники для изучения миграции поморского населения в XVI — начале XVIII в. // Там же. С. 182—196.

⁸ Оборин В.А. Роль крестьянства северных районов Поморья в освоении Урала в XVI—XVII вв. // Аграрные отношения и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 г.). Сыктывкар, 1981. С. 89—86.

⁹ Бахрушин С.В. Вопросы колонизации Сибири в XVI—XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. I. М., 1955. С. 72.

¹⁰ Там же. С. 75.

¹¹ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись / Публ. П.Г. Доронина // Историо-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 259.

сити». Епископом в новообразованной епархии назначили самого просителя¹². После возвращения из столицы в 1384 г. Стефан закончил устройство владычного городка: «Создана бысть обитель его большая, потом епискупия Усть-Выми на владычном горотке», и воздвиг «большой соборный храм Благовещения Пресвятыя Богородицы и другой меньшей храм монастырской архистратига Михаила, да монастырские же и на Вотче, и на Еренском горотке, поставил игумены, и попы, и дяконы в оных»¹³. Из этих летописных сообщений следует, что было произведено строительство укрепленного поселения, ставшего церковно-административным центром и выполнявшего функции оборонительного сооружения.

С.В. Бахрушин подчеркнул исключительное положение пермского владыки: единственный защитник христианского населения от натиска язычников; посредник между кодскими, вымскими князьями и великим князем московским. Таким образом, из владычного Усть-Вымского города «подготавливалось мирное завоевание Зауралья»; одновременно Вымь была «исходным пунктом военных экспедиций». После присоединения Новгорода в руках Москвы оказался весь Печорский путь в Сибирь, однако в XVI в. с завоеванием Казани открылись Камские пути для покорения Зауралья. По мнению Бахрушина, Печорский путь в XVI—XVII вв. стал «обычной дорогой», по которой «шло очень большое движение за Урал»¹⁴.

Учёный показал, что путь за Урал был трудным и опасным, он шёл по безлюдным пространствам и «тесным рекам», где передвигались только на небольших лодках — «обласах». Вот характеристика пути из документа 1630 г.: «А из Носового до Ижемской слободки дорога прохоящая, не жилая людми, пустое место недели на 3 и на 4 ходу и больши... а у Ижемской слободки до Выми и до Турьи тоже пустое место, безлюдное, недели на 2 ходу и больши, тесными речками»¹⁵. Самой трудной и опасной частью пути был перевал через Урал — «место пустое», «а жилецких людей на Камени нет»¹⁶. Существовали и другие пути в Сибирь: Чердынский (р. Камой через Чердынь в р. Лозьву); Чусовский (через владения Строгановых по р. Чусовой); Верхотурский (Соликамск—Яйва—Ростес¹⁷—Ляля—Мостовая—Тура)¹⁸. При путешествии из Москвы в Сибирь следовало ехать через Вологду, объезжать её разрешили только с

¹² Там же; ПСРЛ. Т. 11. М., 1965. С. 82.

¹³ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихьевская) летопись. С. 259.

¹⁴ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 76, 77.

¹⁵ Цит. по: Там же. С. 84—85, примеч. 73.

¹⁶ Там же. С. 85.

¹⁷ В 1684 г. верхотурский воевода Михаил Толстой получил грамоту из Сибирского приказа, где есть сведения о населённых пунктах и дороге: «В прошлых давных годах по Сибирской дороге на Верхотурском волоку, опричь Ростесу, иных никаких русских деревень не было», «беглым и никаким прохожим людям проходить было нельзя, потому что на том Верхотурском волоку по Сибирской дороге было все пусто и нигде тем прохожим и беглым людям пристанища не было. А на Ростесе деревня построена для бродовщиков зимней дороги». Однако ситуация изменилась, и в Москве «ведомо учинилось», что на Верхотурском волоке «поселились многие деревни, а какова чину люди и по какому указу селятца, того в Сибирском приказе не ведомо». В связи с этим новых поселенцев следовало переписать и прислать в столицу переписные книги (Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — ДАИ). Т. 11. СПб., 1869. № 95. С. 258).

¹⁸ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 94—105. Из грамоты царя Василия Шуйского от 31 декабря 1607 г. в Соль Вычегодскую известно об обязанности вычегодцев послать хлебные запасы в Сибирь: «А денег им с собою на Верхотуре на хлебную покупку возити не велено, потому что верхотурские жилецкие люди продают им хлебные запасы, мешая с камнем и с песком воровством». Ввиду плохой дороги сольвыгодцам разрешили не везти, а покупать хлеб на Вятке, в Соли Камской и 128

1713 г. (с Шуйского яма на р. Сухоне к Обнорскому яму)¹⁹. Все названные пути в XV—XVII вв. проходили по р. Вычегде, а значит пролегали вблизи яренской вотчины Вологодского дома св. Софии, жители которой, несомненно, встречались с участниками торговых и промысловых экспедиций, а также с переселенцами, шедшими и плывшими этими дорогами и реками.

В конце XVI — начале XVII в. государство поддерживало добровольное переселение в Сибирь. Из отписки верхотурских воевод Ивана Еропкина и Ивана Селетцына 1637 г. становится известно о грамотах в поморские города к воеводам и приказным людям о призыве «в Сибирь, на Верхотурье, в пашенные крестьяне из волных из охочих людей». Крестьян следовало присылать «с женами, и с детьми, и со всеми их животы», но с условием: «изо всяких из волных людей, а не с тягла»²⁰. В 1645 г. верхотурский воевода Максим Стрешнев получил предписание «в поморские бы есте города с Верхотурья для крестьянского прибору без нашего указа никого не посылали, и с посадов и в уездах с пашен никаких тяглых и крепостных людей подговаривать и в Сибирь свозить не велели, чтоб от того наши поморские города и уезды не пустели»²¹. Однако в 1646/47 г. тобольский воевода Иван Салтыков сообщил туринскому воеводе кн. Петру Борятинскому, что в Москве «ведомо государю учинилось» об уходе из Устюга Великого, Соли Вычегодской, Перми Великой, Вятки, Кевролы и Мезени «с посадов и из уездов» в Сибирь посадских людей и многих пашенных крестьян «с тяглых своих жеребьев от хлебного недороду и от бедности с женами и с детьми». Однако ушедших в Сибирь не следовало высылать назад, а указано было перевести с архиерейских и монастырских вотчин и земель детей боярских и «устроить за государем в слободы». Как видим, источник зафиксировал борьбу за уже пришедших крестьян: «Никому у себя таких прихожих людей таить не велеть, чтоб в Сибири теми прихожими людьми посады и пашенные слободы наполнить»²².

В 1670 г. верхотурский воевода Фёдор Хрущёв получил царский указ, в котором сообщалось о жалобах воевод из Соли Камской и Устюга Великого о том, что к ним приезжают из Тобольска, Тюмени и Верхотурья «поморских городов беглые крестьяне, которые бежали в прошлых годах» с проезжими грамотами, выданными в Сибири. По этим документам «пахатные многие крестьяне в прошлых годах, покиня свои деревенские жеребья впусте, выехали сибирских городов в уезды и ныне едут». По мнению поморских воевод, от этого «учинилась великая пустота» и «четвертных денежных доходов и хлебных запасов взять не на ком»²³.

в Перми Великой: «С Соли до Верхотурья тысяча семсот верст, и место-де лесно и гористо, подвозные-де люди своим и конским кормом завестись и проняться не могут, и лошади у них назад не выходят, и ставитца-де им та воска тысяч по пяти и по шти рублей и болши» (Архив СПбИИ РАН, кол. 13, оп. 1, д. 83, сст. 1—2). Сохранились отписки более позднего времени об объёмах поставляемого из Соли Вычегодской в Верхотурье хлеба. 28 марта 1653 г. на Верхотурье хлебный целовальник Фёдор Козмин сын Дудников принял у извозщика Петра Прохорова сына Некрасова муки ржаной 53 четверти без пол-полчетверика; круп и толокна 7 четвертей с осминой, и с полуосминой, и пол-пол-полтретником. Эти продукты предназначались «сибирским служилым людям, и ружником, и оброчником на государево жалованье» (Там же, д. 104, сст. 1).

¹⁹ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 106, примеч. 184.

²⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. 3. СПб., 1836. № 265. С. 405, 406.

²¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АИ). Т. 4. СПб., 1851. № 3. С. 20.

²² ДАИ. Т. 3. № 14. С. 65, 66, 68.

²³ Там же. Т. 6. СПб., 1857. № 19. С. 111.

Из Верхотурья сообщили в Москву о том, что в 1670 г. «в розных месяцах и числах ехало мимо Верхотурья из русских розных городов — с Тотмы, с Устюга Великого, с Ваги, с Мезени, и от Соли Вычегодской, и с Яренского городка с Сысолы, и с Кайгородка по тобольским и тюменским проезжим тяглых людей с женами и с детьми две тысячи пятьдесят один человек». Для прекращения крестьянских миграций следовало «учинить заказ и заставы крепкие, чтоб впредь из русских городов и из уездов в сибирские города беглых крестьян однолично не пропускать, чтоб от того в поморских городах» денежные и хлебные подати «не стали». Крестьян, уже пришедших в Сибирь, тобольскому воеводе боярину кн. И.Б. Репнину указали выслать обратно²⁴. 1 апреля 1671 г. верхотурский воевода писал в Тобольск о том, что «всех поморских городов беглых крестьян, сыскав, высылать в русские города по-прежнему... и впредь никаких беглых людей и крестьян не принимать». Сыску подлежали крестьяне, жившие за митрополитом, монастырями и всяких чинов людьми, но осевших на государеву пашню следовало только переписать²⁵. Приведённые сведения из документов показывают непоследовательность правительственной политики в отношении переселения в Сибирь. Особо подчеркну, что крестьян, которые были «за государем», выслать обратно не требовали.

В.И. Шунков выяснил, что во второй половине XVII в. в Сибири начались сыск и высылка самовольных переселенцев, однако «сход» продолжался и в начале XVIII в., а «высылка, не давая результатов, не будучи отменена, почти не осуществлялась»²⁶. А.А. Преображенский на уральском материале также показал малоуспешность сыска выходцев из Поморья²⁷.

Обширная миграция поморских крестьян, исследованная в историографии и зафиксированная в источниках второй половины XVII в., противоречила нормам Уложения 1649 г.: в 1-й статье 11-й главы предписывалось крестьян «дворцовых сел и черных волостей», ушедших из своих деревень, «сыскивая, свозити в государевы дворцовыя села и в черныя волости на старые их жеребьи по писцовым книгам с женами, и с детьми, и со всеми их крестьянскими животы без урочных лет»²⁸. Во 2-й статье 11-й главы норма о возврате беглых крестьян от частных владельцев повторяется. А.Г. Маньков в связи с этим считал, что черносошные и частновладельческие крестьяне были в равной степени крепостными: «Уложение провозглашало закон о прикреплении черносошных крестьян к своим наделам наряду с прикреплением крестьян частновладельческих». Основанием для этого были писцовые книги, поданные после пожара 1626 г. (гл. 11, ст. 1). Круг закрепощённых родственников крестьян и бобылей включал в себя жён, детей (по писцовым книгам 1620-х гг.), братьев, племянников и внуков с жёнами и детьми (гл. 11, ст. 9). Маньков полагал, что Уложение 1649 г. «распространяло потомственную крепостную принадлежность по прямой нисходящей до четвёртого колена (правнуки) и по боковой нисходящей до третьего колена (дети племянников), включая жён и мужей»²⁹.

Однако А.И. Копанев показал, что хозяйственное и бытовое положение черносошных крестьян отличалось от частновладельческих: «Во-первых, кре-

²⁴ Там же.

²⁵ АИ. Т. 4. № 220. С. 475.

²⁶ Шунков В.И. Очерки по истории... С. 63.

²⁷ Преображенский А.А. Сыск беглых на Урале в 1671 г. // Из истории Урала. Свердловск, 1961. С. 89—90.

²⁸ Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 64.

²⁹ Маньков А.Г. Уложение 1649 г. Кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 96, 97.

стьянин легко расставался со своей землей... нередко отчуждал свой надел, следовательно, не был крепок земле... Во-вторых, крестьянин оставлял свой надел с согласия общины... В-третьих, возвращение крестьян на свои места, несмотря на предписание правительства, было делом нереальным». В связи с этим историк заключил, что «экономические и социальные условия в Поморье сложились так, что правительство не смогло осуществить норму Уложения 1649 г. о прикреплении черносошных крестьян в полной мере»³⁰.

В свете высказанных в историографии точек зрения и приведённых сведений из документов обратимся к материалам вологодского архиерейского дома. Вотчина епископов Пермских, а затем архиепископов Вологодских и Великопермских (с 1657 г. Вологодских и Белозерских) в «Вымских» землях, вероятно, возникла в конце XIV в. До нас дошли тексты двух жалованных грамот Ивана III от 1482/83 г. и от 19 ноября 1490 г. В этих документах земельные угодья епископа Пермского Филофея охарактеризованы как, «которые были наперед сего за владыками пермскими» или «которые земли были за передними владыками за пермскими»³¹. Эти формулировки позволяют предположить, что земельные пожалования кафедре произошли ещё во времена великого князя Дмитрия Ивановича.

Согласно наблюдениям Н.П. Воскобойниковой, писцовых книг Яренского уезда XVI в. не сохранилось, не известны и сотные выписи на архиерейскую вотчину этого столетия, хотя один документ упоминается в описи казны Вологодского Софийского дома 1756 г.: «7038 г. Список с Усть-Вымские сотные с книг письма Ивана Боброва с товарищи»³². Поэтому исследование этого земельного владения возможно только на основании кадастровых документов XVII в.: дозорной книги 1608 г., сотной выписи от 30 апреля 1649 г. с писцовых книг 1628—1629 гг. и переписных книг 1646 и 1678 гг.³³ Из упомянутых источников следует, что на протяжении XVII в. яренская вотчина Вологодского Софийского дома не претерпела территориальных изменений. Этот факт даёт возможность проследить историко-демографические процессы на сопоставимых территориях по нескольким хронологическим срезам.

Согласно дозорной книге 1608 г., в вотчине Вологодского архиерейского дома только один хозяин двора в 1596/97 г. «сбежал» в Вычегодский уезд и семь дворов запустело по причине смерти их хозяев (в 1591/92 г. умер один человек, 1596/97 г. — один, 1599/1600 г. — два, 1600/01 г. — один, в 1601/02 г. — один; смерть ещё одного не датирована)³⁴. П.А. Колесников, изучив дозорную книгу Яренского уезда 1608 г., отметил, что она показывает убыль населения с 1586 г. Согласно подсчётам учёного, «из 116 случаев, учтённых источником, в Сибирь

³⁰ Копанев А.И. Сельское население и расселение в Поморье. Подвинье // Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование). Л., 1989. С. 43.

³¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964. № 291, 291б. С. 307, 312.

³² Опись казны Вологодского архиерейского дома 1756 г. // Летопись занятий Археографической комиссии. 1864 г. Вып. 3. СПб., 1865. С. 125; Воскобойникова Н.П. Писцовые и переписные книги Яренского уезда XVI—XVII вв. как исторический источник // Материалы по истории Европейского Севера СССР... Вып. 1. С. 212—236; Документы по истории народа коми. Писцовая и переписные книги Яренского уезда XVII в. / Сост. Н.П. Воскобойникова, М.А. Мацук. Сыктывкар, 1985. С. 3—6; Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV—XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012. С. 86.

³³ Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.). М., 1914. С. 292—297; Документы по истории народа коми... С. 20—26, 115—123, 292—303.

³⁴ Акты времени правления царя Василия Шуйского... С. 292—297.

ушло 47 или 40,5%, в Пермь, на Вятку, в “Верхкамье” — 41 или 35,3%, а всего 75,8%. Отмечено ещё 20 человек, сошедших “безвестно”, а они, в основном, также уходили в восточном направлении. В замосковные города выход из этого уезда не отмечен, только один человек ушёл в северо-западное Поморье, на Двину»³⁵. В конце 1620-х гг. в архиерейской вотчине 124 двора числились живущими, и только один двор в деревне Конец Озерья был пустым³⁶. Таким образом, в первой трети XVII в. случаи миграции зафиксированы в регионе, но отсутствуют в вотчине Вологодского архиерейского дома. Однако в переписных книгах 1646 и 1678 г. появляются многочисленные записи о случаях ухода крестьян и бобылей в Сибирь, Вятку и другие регионы.

Переписную книгу Яренского уезда 1646 г. проанализировал на предмет миграции населения А.И. Копанев. Он составил таблицу, зафиксировавшую количество людей, умиравших и покидавших регион каждый год с 1631/32 до 1645/46 г.³⁷ В настоящей статье подобным образом обчислена только вотчина Вологодского архиерейского дома в Яренском уезде. Сведения об убыли населения сведены в таблицу 1, по своей форме аналогичную помещённой в «Аграрной истории Северо-Запада России XVII века».

Согласно моим подсчётам, в яренской вотчине Вологодского архиерейского дома в 1646 г. упомянут всего 471 человек. Из этого числа 347 (73,6%) людей на момент описания проживали в населённых пунктах. Отправились в Сибирь, Вятку, другие волости Яренского уезда и «сошли безвестно» 113 (24,1%) человек. Источник зафиксировал 11 (2,3%) смертей. Наибольший отток людей наблюдался на рубеже 1630—1640-х гг. Всего вотчина потеряла 124 человека, из них умерли 11 (8,8%).

Наибольшее число людей ушло в Сибирь — 74 (59,7%) человека. В большинстве случаев уходили молодые холостые мужчины (30 человек; 24,2%)³⁸ или же хозяева дворов без жён (30 человек; 24,2%). Например, источник фиксирует такую ситуацию: «Во дворе Федька Викторов сын з детьми, с Ондрышкою, да с Трифанком, да с Ульянком, а Ульянко 7 лет. Ево же дети, Ивашко да Тимошка, сошли в Сибирь, холосты. Ивашко сшел во 142 году, а Тимошка сшел во 147 году»³⁹. Предположим, что одной из причин ухода старших братьев была многодетность семьи (количество детей женского пола писцы не отмечали), не хватало средств к существованию, что и толкало в далёкое путешествие.

³⁵ Колесников П.А. Миграция северного крестьянства... С. 364.

³⁶ Документы по истории народа коми... С. 20—26.

³⁷ Копанев А.И. Сельское население и расселение... С. 40—41.

³⁸ Эти статистические данные согласуются с ситуацией за Уралом. А.Д. Колесников пришел к выводу, что в конце XVI — первой половине XVII в. в Сибирь прибывали в первую очередь одинокие мужчины, а к концу столетия такой диспропорции уже не наблюдалось, что привело к увеличению естественного прироста (Колесников А.Д. Изменение демографической ситуации в Сибири XVII в. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 146, 154—157).

³⁹ Документы по истории народа коми... С. 115.

Таблица 1
Миграция населения из яренской вотчины Вологодского архиепископского дома по переписной книге 1646 г.*

Год	Ушли в Сибирь			«Сошли» к Вятке	Ушли в другие волости Яренского уезда	«Сошли безвестно»	Умерли
	холостые	семья** (муж, жена дети)	хозяин без жены				
1626/27	—	—	—	—	—	—	4
1631/32	—	—	1	—	—	1	1
1633/34	1	—	—	—	—	—	—
1634/35	—	—	—	—	—	—	—
1636/37	4	2	2	—	—	3	1
1637/38	—	—	2	—	—	1	—
1638/39	2	—	1	—	—	—	—
1639/40	3	3	4	—	—	2	—
1640/41	7	—	6	—	—	5	2
1641/42	5	5	6	—	—	6	2
1642/43	1	—	1	—	—	1	—
1643/44	1	—	4	6	—	2	1
1644/45	4	—	—	3	—	—	—
1645/46	2	—	3	—	—	6	—
Без указания года	—	—	—	—	3	—	—
Итого — 124 (100%)	30 (24,2%)	10 (8,1%)	30 (24,2%)	9 (7,3%)	3 (2,4%)	27 (21,8%)	11 (8,8%)

Составлено по: Документы по истории народа коми... С. 115—123.

* При указании числа ушедших людей учтены женщины, если это следует из источника.

** В столбце указано количество людей обоёго пола, состав семьи считается из трёх человек (муж, жена, ребёнок), если иного не следует из источника.

Приведу конкретный пример ухода в Сибирь старшего сына. В 1656 г. архиепископу Маркелу бил челом крестьянин Архип Афанасьев на своего отца Афанасия Туркина⁴⁰. Эта семья зафиксирована в погосте Оквад переписной книгой 1646 г.: «Во дворе Офонька Семенов сын Туркин с сыном с Ысачком, а Исачко 11 лет, ево же сын Архипко шёл безвестно во 151 (1643) году холост»⁴¹. Согласно челобитной Архипа, он в 1646 г. шёл «от отца своего в сибирския города для промыслу и ходил лет десять», а потом, «помня отца своего благо-словление, из сибирских городов шел на Русь к отцу своему»⁴². Здесь мы видим взаимодополняющие сведения двух источников о скитаниях Архипа и после нехитрых математических подсчётов заключаем, что возвращался он из Сиби-ри в 1656 г. По дороге челобитчик «сшелся с отцем своим в Сургуте городе» и «объявил» отцу, что в Сибири ему «дал... Бог нажитка», и это «нажитченко все роздано в долг в кабалы». Кабалы отец, «едучи из Сургута», отобрал у сына.

В контексте рассматриваемой проблемы существенными являются сведе-ния об этих кабалах. Во-первых, эти документы были оформлены на «святи-тельских крестьян ис Конец Озерья на Исака да на Ивана Козловых»⁴³ в дву-стях в тридцати рублех. Да на государева крестьянина на Григорья Никиферова Поповцова в сороке в семи рублях». Этих крестьян Архип встретил в Сибири. Во-вторых, сумма долга по названным выше кабалам составляла 277 руб. Далее в челобитной фигурирует ещё одна кабала в 70 руб.: «Да у меня же, государь, взял отец мой кабалу в семидесяти рублях на Исака же Козлова». Общая сум-ма денег, отданных в долг, равнялась 347 руб., а это сопоставимо с объёмами денежных средств, с которыми, например, работал вологодский купец Гаврила Фетиев. Так, гость 26 декабря 1677 г. получил «взаимы» 300 руб. от архиеписко-па Симона с условием вернуть их в Москве⁴⁴.

Согласно челобитной Архипа, его отец по «кабалам моим денги все взял, а мне ничего не дал». Ещё одной причиной для челобитья было плохое отноше-ние деда к внукам и к невестке: «А отец мой без меня женишку и детишек моих ни поил, ни кормил. И з двора меня и с семьишкою»⁴⁵ и з детишками збил ни с чем». Кроме этого однажды отец отобрал у Архипа сукно на 3 руб. 2 гривны, «и косою хотел» сына «срубить и добрые люди» челобитчика «отняли». У Архипа также имелись не отданные «сибирские долги». Всё вместе это и привело к челобитью на отца. Показательна заключительная часть документа, где чело-битчик подчёркивает, почему нужен святительский указ: чтобы «мне... в долгах своих не погинуть, а твоей святительской вотчины и крестьянства не отбыть и чем бы, будучи мне в твоей святительской вотчине во крестьянях, сыту быть»⁴⁶.

⁴⁰ Государственный архив Вологодской области (далее — ГА ВО), ф. 1260, оп. 1, д. 1392, сст. 1—2.

⁴¹ Документы по истории народа коми... С. 117.

⁴² ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, ед. хр. 1392, сст. 1.

⁴³ Иван Козлов зафиксирован в 1646 г. в починке Занаволок: «Во дворе Ивашко Андреев сын Козлов с сыном з Данилком, а Данилко 7 лет, ево же брат Фалалейко Андреев сын шёл в Сибирь во 149 году, холост» (Документы по истории народа коми... С. 119).

⁴⁴ Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церковью Вологодской епархии. XVII — начало XVIII в. М.; СПб., 2016. С. 409.

⁴⁵ Е.Н. Швейковская впервые отметила, что понятие «семья» было не только собирательным, но и избирательным, конкретно направленным. Оно обозначало не супружескую пару как таковую и не супругов с детьми, как привычно для современного человека, а именно замужнюю женщину. Вступив в брак, женщина становилась мужу семьёй» (*Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012. С. 52*).

⁴⁶ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 1392, сст. 1.

Решение по этому делу оказалось в пользу челобитчика. Согласно указу архиепископа, сыну боярскому Ивану Суровцеву следовало «ыскать», «доправить» и вернуть деньги и сукно Архипу, «а впредь», если Архип «учнет денег займовать для промыслу и теми денгами учнет торговать, и отцу иво, Архипкову, Афонке до него, Архипка, и до тех заемных денег и до прибыли и до товару дела нет». Откликаясь на желание челобитчика жить на землях св. Софии, архиепископ велел «по нем, Архипке», «взять порушная запись, что ему жить в нашей архиепископле вотчине во крестьянех и из вотчины никуды вон на житье не вытти»⁴⁷. Очевидно, что поручная грамота о проживании в архиерейской вотчине, которую планировали взять в 1656 г., дополняет нормы Уложения 1649 г. о закреплении частновладельческих крестьян.

Неоднократно отмечена в переписной книге 1646 г. такая ситуация: «Двор пуст Семейки Васильева сына, а он шшел в Сибирь во 145 году, жена ево збрела в мир безвестно, а детей нет»⁴⁸. Почему распалась семья и муж ушёл за Урал, сказать сложно. Наиболее вероятной причиной этого, типичной для XVII в., являлся неурожай и голод. Молодая семья и неокрепшее хозяйство не смогли выстоять. Среди 27 человек (21,8%), направление ухода которых неизвестно («сошли безвестно»), много именно таких женщин, которые не смогли/не захотели или не были взяты в Сибирь. Они скитались «меж двор», нищенствовали. Отмечу другую ситуацию полного или временного распада семьи: «Во дворе Домница Зиновкова жена Ворсина, а муж ее Зиновка Яковлев сын з детьми, с Ларкою да с Максимком, сошли в Сибирь во 145 году»⁴⁹. Надо думать, что в данном случае женщина осталась с дочерьми, а может быть, и с малолетними сыновьями (детей до 4-х лет писцы не фиксировали) и держала хозяйство, а муж и старшие дети ушли в Сибирь на заработки и могли вернуться или как-то пересылать денежные средства домой. Проследить судьбу большинства женщин и детей невозможно, но некоторое представление о жизни мигрантов обоих полов дают рассмотренные ниже случаи.

Из грамоты архиепископа Маркела на Усть-Вымь и на Оквад наместнику Данилу Столбицкому от 27 июля 1649 г. узнаём о челобитье из деревни Конец Озерья крестьянина Тихона Федотова: «в прошлых-де годах» он сошёл «с братом своим Гришкою на промыслы кормитца в сибирские городы, а после-де их осталась в их деревне ево, Тихонкова, сноха, а Гришкина жена Парасковьица»⁵⁰. Переписная книга 1646 г. не зафиксировала этих людей.

Наместником на Усть-Выми после ухода Тихона и Григория Федотовых в Сибирь был Кузьма Патрикеев. С ним сговорился Лёвка Никулин, отмеченный в переписной книге 1646 г.⁵¹ Крестьянин «подкупился» к наместнику и добился, чтобы он «Парасковьицу велел взять к себе на двор и держал-де ее у себя, сковав, семь недель»⁵². Согласно челобитной Тихона Федотова, «на тое-де их деревню»⁵³ Козма Патрикеев по ево, Левкину, наученью вымучил на свое имя

⁴⁷ Там же, сст. 2 об.

⁴⁸ Документы по истории народа коми... С. 118.

⁴⁹ Там же. С. 120.

⁵⁰ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 773, сст. 1.

⁵¹ В переписной книге 1646 г. зафиксировано: «Деревня Конец Озерья, а в ней крестьян: во дворе Левка Никулин сын с детьми, с Ъвашком да с Савкою, да с Харламком, а Харламко 8 лет, да с племянником с Петрушкою Фотиевым сыном, да со внуком с Лаврушком Аврамовым сыном» (Документы по истории народа коми... С. 118).

⁵² ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 773, сст. 1.

⁵³ Вероятно, под термином «деревня» в данном случае подразумевается комплекс домашних и хозяйственных построек, возможно, в совокупности с сельскохозяйственными угодьями.

воровскую закладную кабалу в тридцати рублех», поскольку Парасковья «не могла муки терпеть». После этого Козьма Патрикеев завладел «деревнею» со всяким «домовным заводом и скотиною». Во время отъезда архиерейский приказной на закладной кабале «на дороге подписал, что ему, Левке», владеть этой собственностью. Лёвка Никулин о своих новых владениях новому наместнику не доложил, а Парасковья «от Левкиных угроз и изгони збрела в Сибирь к мужу своему. А как-де Тихонко пришел с промыслу, и тот-де Левка ево, Тихонка, в тое деревню жить не пустил». Обидчик владел «деревней» по подписной закладной кабале, «а иных крепостей нет». Согласно черновику архиерейского распоряжения, следовало провести расследование и прислать все документы на Вологду к архиепископу для окончательного решения по этому делу⁵⁴.

Приведу ещё один случай. В переписной книге 1646 г. зафиксирован на Усть-Выми «во дворе Максимко Алексеев сын Попов с сыном с Сенькою, а Сенька 10 лет, а братья ево, Ивашко да Стенька Алексеевы дети, сошли в Сибирь во 148 году, а Ивашкова жена Анница сошла в мир безвестно, а детей нет, Стенька холост»⁵⁵. Дальнейшая история Ивана Алексеева сына Попова, его жены Анны и ребёнка, не упомянутого в переписной книге, становится известна из других источников.

Сохранилась челобитная архиепископу Симону от крестьянина Феокиста Иванова с Усть-Выми. Из неё следует, что Феокист был сыном Ивана Попова и Анны. По словам челобитчика, его отец «сшел в Сибирь тому... есть дватцать семь лет, а мать мою покинул в нищете, а меня покинул дву годов... а что было домашних статков, и то взял с собою в Сибирь». Челобитная не датирована, но время её составления уточняется при сопоставлении с переписной книгой: Иван Попов ушёл в 1640 г., прошло 27 лет, значит Феокист написал челобитную в 1667 г. и ему около 29 лет. К этому времени он «взросл и бродил в Сибирь кормится Христовым именем и работал черную работу шесть лет». Из этого сообщения следует, что в Сибирь он ушёл в возрасте около 23 лет. За Уралом Феокист «отца своего сыскал в сибирских городех. И отец мой, Иван, не памятуя страха Божия, покиня нас в сиротстве, и женился в Сибире на иной жене, и дети с ыною женою в Сибири прижыл и живет в пахотных крестьянх»⁵⁶. Это открытие не осчастливило челобитчика. Вскоре на него бил челом с Усть-Выми Кузьма Пономарёв⁵⁷ «неведомо по какой отца моего Ивана по сибирской записи мимо отца моего Ивана». Примечательно, что сын Кузьмы (видимо Перфирий; в челобитной он не назван, известен по переписной книге 1646 г.), «безпрестанно в сибирских городех живет и отца моего в Сибире знает». Вероятно, именно поэтому у Кузьмы Пономарёва в Усть-Выми появилась возможность улучшить своё благосостояние за счёт Феокиста: «А бил челом он, Козма, на меня, сироту, тебе, великому святителю, на Вологде, и по ево челобитью указано на меня, сироту, дать суд на Выме твоему

М.С. Черкасова отметила аналогичный случай употребления этого термина в усть-вымской архиерейской вотчине (*Черкасова М.С.* Крестьянская семья на Усть-Выми в XVII в. // *Сельская Россия: прошлое и настоящее. Материалы XIII всероссийской научно-практической конференции.* М., 2012. С. 11). Показательно, что уже в 1670 г. во время спора между архиерейскими крестьянами Рычковыми треть «деревни» называли «вотчиной» матери и дочери (Там же. С. 12).

⁵⁴ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 773, сст. 1—3.

⁵⁵ Документы по истории народа коми... С. 121.

⁵⁶ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 3293, сст. 1 об.

⁵⁷ В переписной книге 1646 г. зафиксирован первым в Усть-Выми «во дворе Козьма Васильев сын Пономарев с сыном Перфирком, а Перфирко 4 лет, да с племянником с Павликом Васильевым сыном, а Павлик 12 лет (Документы по истории народа коми... С. 119).

святительскому приказному Ивану Суровцеву». Феокист Иванов обратился к архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону с просьбой о том, чтобы «с ним, Козмою, по той крепости сибирской отца моего свой святительской указ учинить, чтоб мне, бедному, по тем отца моего сибирским крепостям напрасно в конец не погинути и твоих святительских податей не отбыть»⁵⁸. Решение иерарха по этому вопросу неизвестно. Вероятно, отец челобитчика Иван Попов, хотя и жил долгое время в Сибири, сохранял владельческие права на двор и/или земельный участок, чем и воспользовался Козьма.

Судьба оказалась немилостива к Феокисту Иванову. В переписной книге 1678 г. отмечен «двор пуст бобыльской Феокистка Иванова сына Попова, увечен глух, у него дети Коземка 11 лет, Филька 5 лет, сошли кормитца Христовым именем от хлебной скудости неведомо куды, а пашня ево пуста»⁵⁹. В 1678 г. Феокисту было около 40 лет. Сведений о его матери Анне не выявлено. Возможно, она умерла, поскольку её муж повторно женился. Сопоставление челобитной и писцовых материалов позволило датировать документ, выяснить, что архиерейский крестьянин осел в Сибири на государевой пашне и обзавёлся семьей и хозяйством, но при этом сохранил связь с родиной. Его сын, наоборот, побывал за Уралом, но вернулся в архиерейскую вотчину и осел там, создав семью.

Сохранились документы 1648 г., из которых известно о том, что крестьянин из деревни Малые Коквицы Фёдор Назаров⁶⁰ жаловался на Евдокима Окулова⁶¹ из Больших Коквиц. Дядя Фёдора — Стефан Фёдоров⁶² — заложил «ему, Овдокиму, земли своя полянку на полторы осмины под рожь на четыре года. И тот дядя мой Стефан сошел в Сибирь, и после его жена его, а моя тетка Дарья, и сын их Кирилко тое полянку мне на тот срок у того Овдокима велели выкупить своими денгами, а купчую мне на ту землю на полянку дали». Фёдор Назаров «прошал» у Евдокима этот участок «на выкуп», но получил отказ. Обидчик, по словам Фёдора, «владеет силно после сроку шестой год, а оброк, государь, и дань, и всякие доходы с тое полянки плачу и изделие делаю яз, сирота твой, повытно, потому что та полянка из моее выти и дяди моего Стефана земля». Евдоким, очевидно, стремясь завладеть землёй, прямые хозяева которой ушли в Сибирь, бил челом на Фёдора, что тот «не выкупает», а он «и назем» к 1646 г. возил. Однако по этому челобитью Евдокиму разрешили «снять два хлеба», но велели отдать участок на выкуп Фёдору. Обидчик хлеб снял, но «полянку» на выкуп не отдал. Сохранился черновик грамоты наместникам на Усть-Вымь с указанием разобраться в деле и, если ситуация такова, как изложена в челобитной Фёдора, отдать ему «полянку»⁶³.

⁵⁸ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 3293, сст. 1 об.

⁵⁹ Документы по истории народа коми... С. 294.

⁶⁰ В переписной книге 1646 г. в деревне «Другая Коквица на озерке» зафиксированы «во дворе Федька да Мишка Назаровы дети, у Федки сын Михайко 5 лет» (Там же. С. 122).

⁶¹ В переписной книге 1646 г. значится «деревня Коквицы на реке на Вычегде» и в ней «во дворе Овдокимко Акилов сын з детьми, з Гришкою да с Ермолкою, да с Онтонком, а Онтонко 10 лет, а у Гришки дети Данилко да Микитка, Данилко 11 лет, а Микитка 7 лет, ево же Овдокимков сын Елфимко сшел в Сибирь во 150-м году, а жена ево, Маринка, сошла безвестно, детей нет» (Там же. С. 121).

⁶² В переписной книге 1646 г. в деревне «Другая Коквица на озерке» отмечен «двор пуст Стеньки Федорова, а он сшел в Сибирь з женою и с сыном с Кирилком во 148-м году» (Там же. С. 122).

⁶³ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 733, сст. 1, 5.

Сохранилось судное дело по челобитной архиепископу Маркелу крестьянина Фёдора Иванова сына Опары⁶⁴ с жалобой на племянников — крестьян Бориса и Фаддея Денисовых⁶⁵. Причина жалобы на племянников заключалась в том, что челобитчик послал со своими родственниками «в Сибирь кабаленок на девяносто рублей на Федку Кречата, да на Оверку Габышева, да на Исака Габышева»⁶⁶. Племянники по кабалам деньги взяли, но не отдали их заимодавцу. В связи с этим Фёдор Опара просил дать «суд и управу». 28 июля 1650 г. допрашивали Бориса Денисова, на обвинения он ответил, что кабалы с ними его дядя не «посылывал, в том он нас поклепал»⁶⁷. Фёдор Опара, обвиняя Бориса Денисова, упомянул свидетеля Исака Логинова⁶⁸, но Борис укорил этого свидетеля в «послушестве» и припомнил, что тот скрывал «разбойнишное борошно», и после того как обнаружили эти вещи, он «бегал в сибирские городы». Вспомнил Борис и то, что в это время целовальником был Ерофей Нехорошев, который «сшел» «в Сибирь да и умер»⁶⁹.

Борис Денисов, доказывая свою невиновность, в свидетели призвал «архиепископлих крестьян, которые в нынешнем и в прошлых годах вышли из Енесийского острогу»⁷⁰. По словам Федки Опары, выходцами из Сибири были «архиепископлъ крестьянин Евдокимко Романов⁷¹ да Гришка Логинов... Тихон Федотов ис Конец Озерья, Семен Седрысев». В контексте посещения крестьянами Зауралья упоминается о продаже соболей. На этом данный этап суда закончился, ответчик Борис Денисов 28 июля 1650 г. «взял крестное целование и за брата себе на душу»⁷², вину его не доказали. По делу выявлена сказка одного из крестьян, на которого ссылался Федька Опара. 31 июля 1650 г. перед усть-вымским наместником Данилом Столбицким крестьянин Евдокимко Романов сказал по крестному целованью, что «Бориско-де и Фаддейко Денисовы по Федкиным кабалам Опариным денги имали или нет в Сибири...того он, Евдокимко, не ведает, а я-де, Евдокимко, был на промыслах, а в городе он мало живал»⁷³. Это судное дело показывает, что для архиерейских крестьян путешествия в Сибирь были привычным делом, функционировала даже своеобразная почта, сбой в её работе и стал причиной судного дела.

Вернёмся к статистическим сведениям и сопоставим данные, полученные при анализе переписи небольшой вотчины, и в целом по уезду. А.И. Копа-

⁶⁴ В переписной книге 1646 г. на Усть-Выми: «Во дворе Федька Иванов сын, прозвище Опара» (Документы по истории народа коми... С. 120).

⁶⁵ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 905, сст. 1—8. В переписной книге 1646 г. на Усть-Выми: «Во дворе Тимошка Денисов сын з детьми, с Титком да с Полуянком, Титко 10 лет, а Полунка 5 лет, ево же братья Фадейко да Бориско сошли в Сибирь в 149 году, жены их сошли безвестно, у Бориска сын Куземка 11 лет» (Там же. С. 120).

⁶⁶ В переписной книге 1646 г. в деревне Петровская (Березник) названы, очевидно, родственники Габышевых: «Во дворе Андрюшка Васильев сын Габушев, а брат ево Нифантко сшел в Сибирь во 148 году, а жена ево Матренка сошла безвестно, детей нет» (Документы по истории народа коми... С. 122).

⁶⁷ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 905, сст. 1, 2.

⁶⁸ В переписной книге 1646 г.: «Во дворе Исачко Логинов сын, прозвище Калин, у него же живут бобыли Ульянко да Микитка Петровы дети Чюклина, а Микитка 7 лет» (Документы по истории народа коми... С. 120).

⁶⁹ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 905, сст. 4.

⁷⁰ Там же, сст. 5.

⁷¹ В переписной книге 1646 г. зафиксированы в деревне Коквицы «во дворе Овдокимко да Ивашко Романовы дети» (Документы по истории народа коми... С. 121).

⁷² ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 905, сст. 1 об., 5, 7.

⁷³ Там же, д. 868, сст. 1.

нев зафиксировал убыль населения в Яренском уезде с 1631/32 по 1645/46 г. на 1 378 человек⁷⁴. На основании таблицы, составленной историком, мною подсчитано процентное соотношение по направлениям миграции. В Сибирь отправились 748 (54,2%) человек (холостые, хозяева дворов без жён, отец с сыном/сыновьями и семьи). «Сошли» на Вятку, в Томск, к Москве, в Пермь и другие населённые пункты, а также «сбрили безвестно» 199 (14,5%) человек; умер 431 (31,3%) человек. Таким образом, данные по уезду в целом и по вотчине показывают близкие пропорции относительно количества людей, ушедших в Сибирь — более 50%.

Уход крестьян из архиерейской вотчины привёл к неуплате коллективного долга. 2 января 1646 г. от земского целовальника Тихона Оксентьева сына Головина и всех крестьян усть-вымской вотчины была составлена челобитная архиепископу Маркелу. Этот документ содержит просьбу об отсрочке уплаты денег по кабале Андрею Палицыну. По словам челобитчиков, архиерейский приказной злоупотреблял полномочиями, требовал «по кабале в семидесят в пяти рублях, а занято, государь, тритцать восемь рублей». Крестьяне четыре недели «стояли на правеже, живот свой мучили, а денег собрать не могли, потому что многие крестьянышка для хлебные нужи и великих налогов розбрелись в сибирския города и в хлебные земли и тех, государь, денег собрать стало не на ком»⁷⁵. Решение архиепископа по этому вопросу неизвестно.

Обратимся к переписной книге 1678 г., зафиксировавшей следующий этап развития архиерейской вотчины. Анализ миграционных процессов см. в таблице 2.

Всего в описании яренской вотчины Вологодского дома Св. Софии в 1678 г. упоминаются 668 людей, из них 580 (77,9%) проживали на момент проведения переписных работ в архиерейских землях, а 148 (22,1%) значатся ушедшими или перешедшими на новое место жительства в пределах софийской вотчины (139 человек; 20,8%) и умершими (9 человек; 1,3%).

Проанализируем сведения о миграции населения. Наибольший отток людей наблюдался в 1670-х гг. Зафиксировано переселение 148 человек, из них 127 (85,7%) ушли, 12 (8,2%) пришли и 9 (6,1%) умерли. Остановлюсь подробнее на случаях переселения. В Сибирь отправилось всего 17 (11,5%) человек, 14 (9,5%) из них были холостыми; ушли в известных направлениях 27 (18%) человек. Внутри вотчины переселились 46 (31,1%) человек. По сравнению с 1646 г. видно, что количество людей, отправившихся в Сибирь, сократилось более чем в четыре раза — с 74 до 17 человек (с 59,7 до 11,5%). Отмечена миграция внутри вотчины (в предыдущей переписной книге не зафиксирована).

⁷⁴ Копанев А.И. Сельское население и расселение... С. 40—41.

⁷⁵ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 610, сст. 1.

Таблица 2
Миграция населения яренской вотчины Вологодского архиерейского дома по переписной книге 1678 г.*

Год	Ушли в Сибирь		Внутривотчинная миграция	«Приходы»	«Спеш» на Вологду	«Сошли» в Пермь Великую	«Сошли» на Серетово к варницам	«Сошли» на Сысольгу	«Сошли» в Сойгинский монастырь	«Сошли» к Соли Камской	«Сошли» к Соли Вычегодской	«Спеш» верх Вычегды	«Сошли безвестно» / «Неведомо куда»	Умерли
	Холостые	Семья**												
1647/48	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1657/58	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1661/62	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1662/63	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1663/64	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1667/68	1	—	37	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
1668/69	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1669/70	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
1670/71	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1672/73	2	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1673/74	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
1674/75	1	—	—	—	—	—	—	—	—	9	2	—	7	—
1675/76	—	—	—	—	1	2	—	2	3	1	—	1	11	—
1677/78	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	10	—
Без указания года	—	3	8	6	—	—	4	—	—	—	—	—	8	7
Итого — 148 (100%)	14 (9,5%)	3 (2%)	46 (31,1%)	12 (8,2%)	1 (0,6 %)	2 (1,3%)	4 (2,7%)	2 (1,3%)	3 (2%)	12 (8,2%)	2 (1,3%)	1 (0,6%)	37 (25,1%)	9 (6,1%)

Составлено по: Документы по истории народа коми... С. 292—303.

* При указании числа ушедших людей учтены женщины, если это следует из источника.

** В столбце указано количество людей обоёго пола, состав семьи считается из 3 человек (муж, жена, ребёнок), если иного не следует из источника.

Обратимся к частным случаям переселения жителей архиерейской вотчины. Выявлена недатированная челобитная к архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону крестьянина «Вожемского прихода» Никиты Созонова. Челобитчик жаловался на крестьянку того же прихода «Татьяницу вдову Леонтьеву дочь на Федоровскую жену» и её сына Фёдора, задолжавшего ему по заёмной кабале 5 руб. Согласно челобитной, срок у этой кабалы прошёл, но долг не вернули. Татьяна отказалась платить, «а тот сын ея Федор в Сибирь сошел, а с нея жил невделу, и ныне та вдова после сына своего пашню пашет, и сенные покосы косит, и твои святительские всякие подати платит, и скотом и всяким крестьянским заводом сына своиво владеет». В связи с этим Никита Созонов просил, чтобы по указу архиепископа сын боярский Фёдор Блинов доправил деньги по кабале сына на матери⁷⁶. Сведений о решении владыки по этому вопросу не выявлено. Сопоставление челобитной с материалами переписных книг позволяет уточнить некоторые детали.

Челобитчик Никита Созонов в переписной книге Яренского уезда 1646 г. зафиксирован как житель д. Софроновской (Якушевской), в погосте Вожам: «Во дворе Елупко да Микитка Созонтовы дети». В этом же погосте в деревне Ивановской Другой отмечены «Петрунька Офонасьев сын, прозвище Плакида, з детми, с Федькою да с Ывашком, Федька 13 лет, а Ивашко 7 лет». На первый взгляд, семья Плакиды не имеет отношения к разбираемому делу, однако сведения из переписной книги Яренского уезда 1678 г. позволяют утверждать, что 13-летний Федька 1640-х гг. — будущий должник Микитки. Итак, в конце 1670-х гг. в погосте Вожам в деревне Мартынова зафиксирована «во дворе вдова Татьяна Федоровская жена Плакидина, у нее сын Федька в возрасте, сшел в сибирские города тому 6 лет, бездетен». Челобитчик Никита Созонов отмечен в 1678 г. в погосте Вожам в деревне Борисовской: «Во дворе крестьянин Микитка Созонов сын Гулин, у него дети Петрушка да Кирилко, оба в возрасте»⁷⁷. Приведённые сведения позволяют сделать следующие наблюдения. Уточняется дата челобитной — около 1672 г.; семья челобитчика и ответчика сменили место проживания внутри архиерейской вотчины. Подсчёты позволяют назвать возраст, в котором Фёдор ушёл в Сибирь — 39 лет. Наконец, известен один из мотивов его путешествия за Урал — не платить долг Никите Созонову.

Итак, на примере одной вотчины видно, что население её с 1646 г. к 1678 г. возросло с 347 до 580 человек, хотя многие крестьяне фертильного возраста ушли в Сибирь. По подсчётам М.М. Богословского и А.И. Копанева общее число жителей в Яренском уезде с 1620-х до 1670-х гг. также возросло, несмотря на миграцию и смертность, в 1,5 раза⁷⁸.

Дополняя палитру семейных отношений и разнообразных случаев, связанных с миграцией крестьян в Сибирь, приведу сведения из документов других северных вотчинников. Сохранилась отписка 1663 г. митрополиту Ростовскому и Ярославскому Ионе от игумена великоустюжского Троицкого монастыря Афанасия и протопопа Успенского собора Владимира. В документе сообщается о челобитье устюжанки Катеринки Силиной, сообщавшей, что её муж «сошел в сибирские города» 15 лет назад и после того не бывал у неё, и «вести от него нет, жив или мертв». В связи с этим Екатерина просила благословения «посяг-

⁷⁶ Архив СПбИИ РАН, колл. 254, оп. 1, д. 61, сст. 1.

⁷⁷ Документы по истории народа коми... С. 116, 117, 300—302.

⁷⁸ Богословский М.М. Указ. соч. С. 130; Копанев А.И. Сельское население и расселение... С. 39.

нуть за иного мужа». Игумен и протопоп, не зная как поступить, обратились к иерарху, подчеркнув, что «иные, государь, многие такие жёнки приходят»⁷⁹.

Сохранилась челобитная 1672 г. архимандриту Спасо-Прилуцкого монастыря Исайе и келарю Сильвестру от крестьянина деревни Паунинской Ивана Трофимова. Челобитчик просил прощения за то, что «мир смутился и я, сирота, на людей смотря, поежшал (так в рукописи. — *Н.Б.*) в Сибирь». После ухода крестьянина на дворе остались два бычка, сено и другое имущество, взятое «на монастырьской двор». У Ивана в Сибири что-то не сложилось, и он вернулся в монастырскую вотчину. Для восстановления хозяйства челобитчик просил вернуть бычков. На обороте челобитной сохранилась запись о решении монастырских властей: 12 июня 1672 г. архимандрит Исайя и келарь Сильвестр выслушали челобитную и «в вине его простили, что он бежал на время», и вернули одного бычка, второго оставив за монастырём⁸⁰.

Выявлен комплекс из четырёх поручных грамот 1670 г. крестьян Спасо-Прилуцкого монастыря. Жители деревень Зелёной, Мотылева, Чюглака и Паунинской (современный Коношский район Архангельской области) «дали на себя поручную запись» приказчикам Фёдору Васильеву с товарищи «в том, что поручились мы друг за друга, что нам жить в Спасове вотчине, в Сибирь не ехать». В случае побега одного из поручителей на остальных, кто «останетцо в лицах», монастырская «пеня и смирение, а пеня, что государи власти укажут»⁸¹.

Суммируем сведения о причинах, толкавших крестьян в далекое путешествие. В историографии отмечены следующие факторы: 1) тяжесть повинностей; 2) высокие подати; 3) отмена урочных лет Уложением 1649 г. П.А. Колесников убывь населения в Поморье объяснял экономическими причинами, он полагал, что в Подвинье и Поважье в XVI в. «почти полностью завершился ввод в сельскохозяйственный оборот естественно-пригодных земель»⁸². Эту точку зрения поддержал А.И. Копанев, отметивший, что на новые земли уходили прежде всего малоземельные крестьяне, не могущие прокормиться со своего надела. Исследователь полагал, что «основной причиной массовой миграции крестьян северных уездов была всё возрастающая эксплуатация их со стороны феодального государства, выражающаяся в росте налогов и повинностей, падавших на черносозный север»⁸³. Авторы «Истории северного крестьянства» отметили, что массовое переселение крестьян явилось «следствием развития товарно-денежных отношений»⁸⁴.

На основании приведённых выше источников в дополнение к известным в историографии факторам добавлю следующие мотивы посещения крестьянами Сибири или переселения туда: 1) желание заработать; 2) нежелание выплачивать долги; 3) укрытие от правосудия; 4) поиск родственников.

Что привлекало жителей Поморья за Уралом? Известно, что в Сибири в первой половине XVII в. для заведения самостоятельного хозяйства крестьяне получали землю, льготу (от 2 до 6 лет), подмогу (безвозвратная денежная или натуральная помощь), ссуду (подлежала возвращению). Размер подмоги и ссу-

⁷⁹ ГА ВО, ф. 1260, оп. 3, д. 136, сст. 1.

⁸⁰ Там же, оп. 2, д. 1747, сст. 1.

⁸¹ Там же, д. 1665, сст. 1—3.

⁸² Колесников П.А. Основные этапы развития северной общины // Ежегодник по аграрной истории (Проблемы истории русской общины). Вып. VI. Вологда, 1976. С. 11—12.

⁸³ Копанев А.И. Сельское население и расселение... С. 42.

⁸⁴ История северного крестьянства. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984. С. 194.

ды зависел от размера оклада государевой десятинной пашни. За выплату оброка с полудесятины государевой пашни (10 четей ржи и 12 четей овса) полагалась ссуда в 3 руб.; за выплату оброка с четверти десятины государевой пашни (5 четей ржи и 6 четей овса) давали ссуду в 1,5 руб. В.И. Шунков показал, что этой помощи для заведения хозяйства часто было недостаточно, и у крестьян накапливались долги. Несмотря на это во второй половине XVII — начале XVIII в. ссуда и подмога сначала сокращались, а потом исчезли; льготный период уменьшался. По мнению историка, это обусловлено «ростом предложения крестьянских рабочих рук»⁸⁵.

Сибирские монастыри и Тобольский архиерейский дом привлекали в свои вотчины крестьян на условиях «ряда». Срок порядных варьировался от 6 до 20 лет, землю пахали из пятого снопа, выполняли различные работы на монастырь. Порядившиеся обязывались построить двор, избу, овин, клеть. За это обитель давала льготу от двух до четырёх лет, выдавала семена и «обороняла» от насиловства, государевых «сделий» и оброков. Разрыв договора вёл к уплате ряды от 5 до 30 руб. Духовные вотчинники предоставляли меньшие льготы, чем государственная администрация, но меньше были и повинности. К концу XVII в. на монастырских и митрополичьих землях осело 14% крестьянского населения Сибири⁸⁶.

Материалы Вологодского архиерейского дома указывают на ещё одну притягательную сторону Сибири — промыслы. Удачливый и трудолюбивый охотник, особенно если он умел торговать, в Сибири мог обогатиться: в крестьянских документах фигурируют суммы в сотни рублей. Поэтому крестьянин уходил не только для того, чтобы заняться земледелием на новых землях, но и для охоты, предполагая потом вернуться к родным.

Архиерейские крестьяне из Поморья в Сибирь, вероятно, шли пешком, сведений о телегах, санях, лодках в просмотренных документах нет. Это говорит о навыках выживания в трудных климатических и природных условиях, а также о существовании минимальной инфраструктуры вдоль дорог и троп. В середине XVII в. крестьяне из Поморья неоднократно встречали знакомых и родственников в Сибири в удалении на 1,5—2 тыс. вёрст от дома, что говорит о существовании небольшого количества торных троп и дорог, а также пунктов сбора торговых и промысловых людей. Наиболее удалённая от Усть-Выми точка в Сибири, упомянутая в документах, — Енисейский острог. Расстояние между этими населёнными пунктами по современным автомобильным дорогам составляет около 4 тыс. км.

Остановимся на правовых аспектах временного и постоянного переселения крестьян в Сибирь. П.А. Колесников заметил, что писцы в Поморье, «объясняя причины пустоты и выбытия людей из деревень, не употребляли термин “бежал”, “в бегах” и т.д.», а употребляли глаголы «сшел», «съехал», «сбрел», «покинул»⁸⁷. А.И. Копанев показал, что вятские писцы обозначали уход крестьян в равной степени словами «бежал», «сшел», «сбрел»⁸⁸. Эта терминологическая разница на разобранных выше материалах, видимо, объясняется тем, что крестьяне архиерейской вотчины уходили в Сибирь или другие города на заработки («промыслы», «черную работу») или «кормиться» на время, а потом

⁸⁵ Шунков В.И. Очерки по истории... С. 38—39, 40—43.

⁸⁶ Там же. С. 45—47.

⁸⁷ Колесников П.А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976. С. 251.

⁸⁸ Копанев А.И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 61.

возвращались обратно. В данном случае, термин «сшел» мог обозначать временное отсутствие крестьянина в архиерейской вотчине. Уложение 1649 г. не стало препятствием для миграций крестьян из вотчины Вологодского архиерейского дома в Яренском уезде и других северных духовных вотчин⁸⁹. Архиерейская и монастырская администрация, видя бездействие общероссийского законодательства в деле прикрепления крестьян к земле (Уложение 1649 г.), актуализировала правовые традиции Русского Севера для закрепления крестьян в своей вотчине и заключала порядные (выявлено 2 случая 1656 и 1670 гг.). Кроме этого, архиерейские власти, зная из документов о том, что крестьянин живёт в Сибири, не предпринимали попыток вернуть его (возможно, документы, свидетельствующие об обратном, пока не выявлены). О близости правового положения черносотных крестьян и крестьян яренской вотчины Вологодского архиерейского дома также говорят использование в документах таких терминов как «вотчина» (1670), «деревня» (1649, 1658) и относительно свободное распоряжение земельными наделами.

Сравнительное изучение кадастровых и внутривотчинных источников позволило показать, как статистическая картина может быть подтверждена, уточнена и расширена частными случаями миграции крестьянского населения Поморья.

⁸⁹ Дмитриева З.В., Башнин Н.В. О миграции населения монастырских вотчин в XVII в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X—XXI вв.: источники и методы исследования: материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 113—123.